

Алатау – раскатами громовыми,
Клокочет Балхаш, и Арал кипит.
Щедрой земли доится вымя».

«Семиз-Бугы, Коунрад,
Экибасс, Спас, Карсакпай,
Караганды-комбинат,
Риддер, щедрый к труду.
Сыр, Иртыш, Или и Балхаш
Рыбу рождает, солью рыгая.
Носит земля в недрах руду.
Жирным дождем орошая небо,
Плещет нефтью могучая Эмба».

«Лопнули сильные роды по швам.
Сильным конец родовичам;
Пестрогрудый орел выброшен вон,
Изгнан и заклеимен.
А недоносок негодный
Отставшим щенком – их ходатай,
Слезливую песню заводит
О том, что было когда-то».

«Степи кишат, клокочут долины.
Сокровища: уголь, нефть и руда,

Горы красят и красят пустыни.
Маслом течет награда труда,
И пламя, в степи разгораясь,
Обнимает небесный свод;
И, страхом врага терзая,
Грохот победы по свету идет.

...И делами такими-то вот,
И трудами такими,
И силой такой
Казакстан в кипенье живет.
Сегодня степь – торжествует
Десять лет, как у нас совет.
Краю этому десять лет», –
Громкий голос ликует.

Чей это голос ликует громом?
Что за гул? Что за песнь прозвучала?
Чья это радость огромная
Долины и степи объяла?
Звуки в уши вливаются старые,
Будто видит он всё пред собой,
И расходятся во все страны они,
Рассекая синь над землей.

*Перевод Зои Кедринной
и Мухтара Ауэзова*

Беймбет МАЙЛИН

НЕБЕСНЫЙ КОНЬ МУЛЛЫ АЛИША

Рассказ

Если в портфеле лежит вчетверо свернутый мандат «чрезвычайного уполномоченного», выданный райисполкомом, то, опираясь на него, каждый может срочно требовать для себя подводу у суетливого, выскальзывающего, как рыба из рук, аульного исполнителя, пока тот, воочию узрев непреклонную силу мандата, не поведет уполномоченного в дом Чигиря.

Чигирь, – в сбитой набекрень шапке, обутый в мягкие кожаные сапоги, изношенные до широких раструбов голенищ, – выйдя и узнав, что от него требуется, суживает хитрые глаза, как будто от внезапной желудочной спазмы, и уныло гнусавит тоном обиженного человека:

– Ой-бой, что ж, один что ли я в ауле? И других заставлять надо... как за подводой – все к Чигирю...

Услышав разговор, на подмогу к нему из дому выскакивает жена и визгливо кричит на всех:

– Чигирь молчит – Чигиря заставляют, Чигирь смиренный, не откажется – на него и валят. Эх, ты, трус пуганый... – обращаясь к мужу, заканчивает она.

Вмешивается аулисполнитель:

– Брось, дядя, лишние разгозоры... Ведь сам знаешь, что на государственное дело по срочной кампании едет товарищ уполномоченный! Давай запрягай! – сурово обрывает он возможность дальнейших пререканий.

Уполномоченный, хоть и имеет «большой документ» в портфеле, но, не желая, чтобы декханин чувствовал себя несправедливо обиженным, к суровым словам исполнителя примиряюще добавляет:

– Если ваша очередь – запрягайте, мы за это платим аккуратно и полностью.

Услышав об оплате, Чигирь испытующе взглянул на уполномоченного и крикнул невдалеке стоящему сыну:

– Рахмет, поедешь?.. Приведем-ка красного быка!.. – попрощался с уполномоченным, круто повернулся и скрылся в темноте двери.

– Из середняков самый зажиточный. В этом году чуть к баям не причислили. Тяжкодум, – ворчал исполнитель, кивая в сторону ушедшего Чигиря.

Бык запряжен. Довольный уполномоченный сидит, болтая ногами, на телеге, со скрипом выезжающей за околицу аула.

Бык, как хозяин, хитер и упрям, ему нет дела до поручений уполномоченного, ему больше нравится потихоньку стягивать телегу на холмики с соблазнительной зеленой травой, чем итти по бесконечной пыльной дороге; с большим трудом Рахмет заставляет его двигаться так, как нужно.

По милости быка испытал тысячи мучений, путники наконец доезжают до аула Алиша, находящегося в местности Шок-Терек. Утомленный однообразными видами степи, взгляд отдыхает на картине жизни аула.

Ветхие, полуразрушенные временем, покривившиеся землянки и дома. Женщины, суетящиеся около открытых очагов. Горы собранного кизяка. Перебегающие огоньки переносимых из очага в очаг углей. В нос ударяет острый специфический запах кизяка.

Постороннему глазу может казаться, что жизнь в ауле идет всё тем же одинаковым, равномерным шагом, подталкиваемая вековыми обычаями, и советская новь его еще ничем не коснулась. Не верьте этому внешнему спокойствию. Посмотрите вот хотя бы на ту бурлящую гневом женщину с синяком под глазом... Её зовут – Ай-Толкын. Она жена муллы Алиша. Её волнение намекает на то, что хоть что-то, правда незначительное, но всё же необычайное, произошло в ауле.

Ай-Толкын направляется к уполномоченному и о чем-то оживленно рассказывает. Послушаем её...

В голой неприглядной степи, как будто брошенные грубой рукой, беспорядочно разместились десять казакских домиков. Это – аул Алиша. Мулла Алиш, по имени которого назван аул, известен и уважаем не только в своем ауле. Узун-Кулак¹ далеко по степи разносит отголоски славы Алиша: «Никто лучше Алиша не сможет прочесть заупокойных молитв», «Алиш ни на шаг не отступает с пути Магомета», «Молитвы Алиша доходят до Аллаха», «Алиш почти святой». Так многие говорят об Алише.

Если, будучи проездом в местности Шок-Терек, вы захотите посмотреть этого «святого человека», то прямо идите в дом под деревянной крышей, который, как наседка над цыплятами, возвышается над землянками и невзрачными кибитками в центре аула. Входя в дом, увидите седоватого человека с чалмой на голове и с четками в подвижных смугловатых руках. На стук в двери у него из-под лба, как мышата из погреба, выскочат два внимательных глаза, юрких и быстрых, обегут вас с головы до ног – и спрячутся обратно под нависшие брови. Лицо примет умильное выражение, и вы услышите:

– О мурза, честь и место вам в моем доме, – после чего Алиш уже ни на минуту не оставляет гостя без своего хозяйского внимания, с подобострастной суетливой услужливостью предупреждая малейшее его желание.

¹ Узун-кулак – «длинное ухо», слух, устная передача новостей по степи.

Обычным завсегдаем в доме Алиша бывает Аупильдек, который своей лопатообразной бородой и ханжески закаченными под лоб глазами, еще не сказав ни одного слова, уже понятен случайно заглянувшему в это «божье логово» городскому гостю. Да Аупильдек и не старается изменить создавшееся о нем с первого взгляда мнение, – он преисполнен величия, и чем больше суетится Алиш, тем хладнокровней, напыщенной становится не замечающий никого Аупильдек.

Алиш, желая сгладить неприятное впечатление, рекомендует:

– Наш отагасы² Аупильдек, много видевший бедности... (Действительно, отец Аупильдека всю жизнь провел пастухом чужих стад и погиб в степи во время бурана).

Неугомонный Алиш, отрекомендовав Аупильдека, обращается к нему:

– Уважаемый Аупильдек, я люблю современную молодежь за её стремление к свету знания. А вы как смотрите на это?

– Тьфу... – отплюнется Аупильдек и, набожно закатив под лоб глаза, добавит: – Выдумки шайтана – всё новое...

Разговор на «современные темы» под корень срублен прямодушным Аупильдеком, не понимающим хитрой дипломатии «гостеприимного» Алиша. Поэтому оставим на время дом Алиша и познакомимся поближе с Аупильдеком и его семьей.

Аупильдек родился в ауле около озера Есенбай. В ту ночь, когда должен был появиться на свет Аупильдек, в юрте было сумрачно и страшно. За входным отверстием юрты стеной стояла ночная темнота, небо было беззвездно, сердито билось о берега весеннее озеро, и, пугая жуткой близостью, гукал филин.

В предродовом томлении матери Аупильдека эти звуки казались страшными своей неизвестностью; с трудом раскрывая ссохшиеся губы, она спросила старуху, разжигавшую потухающие угли очага:

– Скажи, кто это так страшно кричит «гуп-гуп»?

Озаренная вспышкой огня, похожая на средневековую колдунью старуха таинственно прошамкала:

– Это аупильдек³ – святая птица. Она своим клювом воду из Земли в озеро носит, чтобы оно не уменьшалось...

– Так это вон кто, оказывается... – причмокнув губами, мечтательно протянула мать Аупильдека и, услышав внутри приближение неизбежного мучения, упала в розовато-пепельную тень мерцающих огней очага.

На следующий день вернувшийся из степи отец-пастух, увидев новорожденного, хотел его назвать простым неприятным, пахнущим степью и овцами именем – Койбагар, но неожиданно встретил сопротивление со стороны жены, настаивавшей на странном имени – Аупильдек; пастух был недоволен, но спорить не стал – согласился. Так Аупильдек вступил в жизнь.

То ли от священного имени, то ли от частого посещения дома муллы Аупильдек почувствовал себя верным слугой Аллаха и с тридцати лет утренний и вечерний намазы стал делать вместе с муллой Алишем, что в ауле считается большим почетом.

Правда, самые простые молитвы «Алькам» и «Кульку-Алда» он знает из пятого в десятое, но это неважно, потому что Алиш говорил Аупильдеку:

– Главное – в усердном служении Аллаху, который любит чистых помыслами и усердных в молении.

² Отагасы – уважаемый человек.

³ Аупильдек – филин.

«А если так, – думает Аупильдек, – то меня никто не опередит: я аккуратно делаю намазы». Кто не делает намаз, тот не друг Аупильдека; когда он видит таких, то с горестным вздохом говорит:

– Пропащий, испорченный человек...

И если в ауле главным врагом новшеств является мулла Алиш, то первым ревностным последователем Алиша выступает Аупильдек: если Алиш, защищая свою точку зрения, ссылается на шариат, то Аупильдек, выступая в спорах, ссылается на Алиша.

– Разве вы знаете больше Алиша, который всю жизнь свою посвятил на служение Аллаху, который три раза прочел Коран, который лучше всех читает заупокойные молитвы... Вы – кафир, изменник Аллаху, – горячится Аупильдек.

Но далеко не все так думают об Алише. Например, жена Аупильдека Кант – худощавая тридцатилетняя белокурая бодрая женщина – думает иначе и иногда, не выдержав потока похвал, расточаемых Аупильдеком мулле, вскользь язвительно замечает:

– Только ты его за святого принимаешь. Если он молитвы хорошо читает, то для своей же пользы. А что ж он, действительно, для Аллаха сделал?..

В бескорыстное служение Алиша Аллаху Кант давно уже не верит, и для этого у ней есть солидные доказательства.

В молодости Кант была красива. И Алиш, уже тогда имевший большой авторитет в ауле, встречаясь, приветливо здоровался с ней. Она думала, что приветлив он потому, что хороший, святой человек, но в этом ей пришлось горько разочароваться.

Однажды ночью, уже засыпая, она услышала, как скрипнула входная дверь. Подумав, что это соседская собачонка, Кант схватила кочергу и бросилась к двери. Но там человек. И не кто иной, как сам мулла Алиш.

– Не бойся – это я, – страстно шептал он, схватив ледяными пальцами её горячие руки. У Кант от удивления больно-больно забилося сердце, зашумело в голове, потемнело в глазах. С большим трудом опомнившись, она, гневно вырвав руки, сжатыми кулаками толкнула муллу в грудь.

– Это что за новости... за кого вы меня считаете... – гневный голос Кант, как хлыстом, разрезал ночную тишину, и Алишу, словно побитой собаке, пришлось спастись бегством.

Этот случай Кант помнит долго, и каждый раз, когда Аупильдек начинает азартно расхваливать Алиша, она, вспоминая это, не может верить в бескорытность Алиша.

У Аупильдека и Кант есть сын Болат – вечный предмет споров отца с матерью. Так, когда Болату исполнилось десять лет, Аупильдек, взяв его за рукав, сказал:

– Сегодня пойдем к мулле Алишу, ты будешь у него учиться: я хочу, чтобы ты был правоверным магометанином и мог читать Коран.

– Если есть рай, то и без молитв Болат попадет туда после смерти, но я хочу, чтобы при жизни он не отстал от своих сверстников, – не согласна с Аупильдеком Кант и тянет сына в школу.

Аупильдек не хочет долго говорить с женой, у него есть надежная черная палка, Кант должна помнить её по шрамам, до сих пор не сошедшим с головы. На этот раз Кант упряма. Она не боится черной палки. Кант зовет из соседнего аула учителя с председателем аулсовета. Они приезжают к Аупильдеку и хотят составить протокол. Аупильдек не хочет ссориться с властью. Он впервые побежден женой...

Болат растет... Через три года он хорошо читает и весело распевает «безбожные» песни:

*Мы молодежь страны Советов.
Все следы мы старого сотрем.
Всех сродных баев, их хазретов⁴
С своей дороги уберем...*

Кант, слушая песни, улыбается. Аупильдек хмурится, с тоской смотрит на черную палку, помня о протоколе, и только угрюмо ворчит:

– Петь хочешь – пой, но помни хоть немного о религии и в комсомол записываться и думать не смей...

Но разве можно салом потушить огонь, разве может одинокий камень задержать струи весеннего потока?..

В праздник Октябрьской революции комсомольцы с красными бантами и знаменем, с бодрими криками прошли по аулу; Болат был у них знаменосцем. Демонстрация произвела большое впечатление на жителей аула. Население не испугалось, даже с радостью встретило дерзостное выступление комсомольцев. Только Алиш и Аупильдек ворчали.

Дома Аупильдек расхныкался:

– Жена, у меня нет силы бить тебя. Твое желание исполнилось. Только остается меня выгнать в степь...

– Да будет тебе небылицы выдумывать. Кто тебя гонит? Жена и сын – твои родные, – участливо уговаривала старика Кант.

Наконец, распарившись густым чаем, Аупильдек сменил гнев на милость и таинственно поделился с женой еще одной новостью.

– Слышь, жена, новое правило вышло, всех в колхоз записывать будут. Говорят, всё общее будет – и скот, и люди, и жена также в общее пользование, – вздохнул Аупильдек.

– Да неужели это правда?!

– Если бы неправда – разве я бы говорил? – подтвердил Аупильдек.

* * *

Через некоторое время в аул Алиша приехал уполномоченный и разъяснил об организации артели.

Первоначально все согласились войти в артель, но потом, когда увидели, что самые почетные люди аула – Алиш и Аупильдек – в артель не записываются и другим не советуют, начались колебания; мнения разделились; неизвестно откуда появились и поползли самые нелепейшие слухи, от которых волосы дыбом становились. Некоторые аульские соседи говорили Аупильдеку:

– У тебя сын комсомолец, поэтому ты должен записаться в колхоз.

– Скот – мой, хозяин дома – я. Если сын хочет отделиться – его воля. Мы с женой и без колхоза проживем, – уперся Аупильдек.

Страсти разгорались, споры о колхозе становились всё более и более ожесточенными. При этом были и смешные случаи. Бойкая, голубоглазая бабенка Жент, живущая по соседству с муллой, на сходке заявила:

– Если мулла пойдет в колхоз – я пойду, мулла не пойдет – я не пойду.

Ай-Толкын, бывшая тут же и слышавшая восклицание Жент, внезапно рассердилась и набросилась на нее:

– Ты дура... Что, мулла тебе так близко нужен... К моему мужу не привязывай свое имя.

И в настоженных, враждебных взглядах, которыми обменялись женщины, чувствовалась личная ненависть.

⁴ Хазрет – духовный наставник.

Артель в ауле организована не была, и Алиш еще больше усилил «святое» руководство.

– Чувствую: всё тело молится. Как только вздремну, окружают меня небесные духи, посланцы Аллаха, – говорил он Аупильдеку.

Аупильдек верил. Жена Алиша Ай-Толкын подтверждала:

– Это правда. Даже во время глубокого сна всё беседует с посланцами Аллаха.

Женщины и дети слушали Ай-Толкын с раскрытыми ртами.

Старики и старухи во время уразы⁵ назначили Алиша имамом и аккуратно стали читать тараух⁶.

– С давних пор тараух был оставлен, а теперь вновь читаем его. Как хорошо стало. Это к добру! – умилялись старики.

Молодежь удивлялась:

– С чего бы это старики через десять лет тараух вспомнили? Откуда эта дурь пришла? Почему?

Во время уразы еще одна новость поразила аул. У услышавших её глаза от удивления на лоб лезли.

У старика Ержана заболела жена. В полночь ей стало совсем плохо, и она попросила Ержана, чтобы он сходил за муллой для чтения имана⁷. Когда Ержан пришел в дом Алиша, то увидел, что муллы нет, а одна Ай-Толкын сидит на постели задумавшись.

– Хазрет дома ли?

– Дома, только ненадолго вышел, скоро придет, – холодно ответила Ай-Толкын.

– Если так, то обожду, – присел на кошму Ержан.

Ержан был одним из аульных активистов, ратовавших за вступление в колхоз. И несмотря на то, что был стар, он деятельно поддерживал каждое новое начинание.

Поэтому Ай-Толкын его недолюбливала, но сейчас Ержан пришел к ней в тот момент, когда в голове кипело много передуманное в бессонные длинные ночи и просило выхода, – он показался ей близким, и она решила всё рассказать.

– Ержан, мой муж мулла, об его тайнах говорить нельзя, но я всё же скажу!..

– Говори, говори, – напрягая всё свое внимание, жадно наклонился к ней Ержан.

Ай-Толкын один раз глубоко вздохнула и начала:

– С мужем что-то неладное творится. Уж много дней, как только начнет засыпать, вдруг вздрогнет, начинает бормотать, молиться, потом просыпается и уходит. За собой ходить не велит. «Если выйдешь за мной, то умрешь», – надевая на голые ноги кебыс⁸ и торопливо наматывая на голову чалму, говорит он перед уходом.

Выходить за ним я боюсь. Домой возвращается только на рассвете. Долгое время боялась спросить о том, куда он ходит. Потом осмелилась – спросила. «Я хозяин волшебных, небесных коней. Чуть только закрою глаза, как за мной уже является посланец Аллаха с небесным конем и торопит меня в ночное путешествие; нет мест, где я бы не был. Нет города, который бы я не видел за эти ночи. Но ты, жена, пока молчи», – так ответил мне Алиш. Но молчать я уже

⁵ Ураза – магометанский пост.

⁶ Тараух – особые молитвы.

⁷ Иман – предсмертная молитва.

⁸ Кебыс – кожаные калоши.

больше не могу. Скоро месяц, как я так мучаюсь. Сижу одна и боюсь спать – как только засну, чудятся разные страшные видения. Просыпаюсь и сижу, вздрагивая от каждого шороха, – печально закончила Ай-Толкын.

Ержан, выслушав удивительный рассказ Ай-Толкын, задумался. Он хорошо знал Алиша, потому что рос вместе с ним. В честность мыслей и в бескорыстное служение Алиша Аллаху он не верил. Ержан среди стариков был главнейшим врагом муллы, услугами Алиша не пользовался и в этот раз также не пошел бы к нему, если бы не просьба жены.

Долго думал Ержан, но в заключение мог сказать:

– Это удивительная вещь! Это чудо!

На другой день весь аул знал об этом, и началась религиозная лихорадка. Во всех концах аула слышались восторженные возгласы:

– Айналайын, вот чудо!!..

Только не удивлялась Кант, и однажды, позвав Болату, долго рассказывала ему что-то и, послав куда-то, напутствовала:

– Иди, скажи и сделай так, как я сказала!

* * *

Дорогие читатели, то, что вы прочитали, это и есть те события, о которых рассказала уполномоченному Ай-Толкын и после подошедшая Кант. Когда рассказ дошел до этого места, то уполномоченный с интересом спросил:

– А потом что было?

Ай-Толкын задержалась с ответом, жалея мужа, но более энергичная Кант со злобой отрывисто сказала:

– За провал колхоза да и за другое многое... комсомольцы давно на Алиша зубы точили... Подкарауливали, ну и поймали однажды на постели у соседки Жент...

– Так это и есть небесный рысак?

– Что же он на нем не утек на небо?.. – улыбаясь лукаво, спросил у окружающих Рахмет, поправляя ярмо на быке.

Ответом был дружный хохот.

После этого дело было закончено быстро.

Муллу Алиша за обман декхан привлекли к суду. Ай-Толкын получила развод и стала жить самостоятельно.

Свободно после ареста Алиша вздохнули декхане. Изменился и Аупильдек.

Однажды Кант, напомнив об Алише и его проделках, улыбаясь, спросила:

– Ну, старик, теперь что скажешь?

Аупильдек поднял голову и решительно сказал:

– Всё, что прошло, кончено, – не вспоминай. Лучше подумай о будущем. Скажи Болату, чтобы собирал декхан на собрание колхоза. Я первый запишусь сейчас в колхоз!

Перевод А. Третьякова и Ж. Раймжанова